

АННА ВЛАДИМИРОВА

ИСТИННАЯ ДЛЯ МИРА

T8 RUGRAM

УДК 82-312.9
ББК 84.4
В57

Владимирова А.

В57 Истинная для Мира/ А. Владимирова, — М. : Т8 Издательские технологии / RUGRAM, 2021. — 236 с.

ISBN 978-5-521-90376-4

Я шел за ней без сна и отдыха...

Лапы вязли в рыхлом снегу, когти вспарывали заледенелый камень, и я даже не заметил, когда они стали пальцами. Перед глазами стояла она — близкая, зовущая, дикая... и ненавистная.

Взгляд застилала кровавая пелена.

Истинная! Моя!

Я искал её по всему миру, но она нашла меня сама, выдернула из зверя и... подчиняла...

Ненавижу! Убью, как только доберусь!

Ведь у меня нет и не может быть... истинной!

BIC FM
BISAC FIC009000

ISBN 978-5-521-90376-4

© Анна Владимирова, текст, 2021
© Майя Чи, обложка, 2021
© Т8 RUGRAM, оформление, 2021
© Т8 Издательские технологии, 2021

— Раздевайся...

Я тряхнула мокрыми волосами, пытаюсь проснуться.

— Что?

Мужчина медленно двинулся ко мне, заставляя вжиматься в стенку. Нос забивал застарелый запах сигарет, гнилого паркета и... свежего мужского тела.

Еще минуту назад я была одна в пустынном холле единственной в этом захолустье гостиницы в надежде переночевать и переждать снежную бурю. Мой отпуск подошел к концу, и пришло время долгой дороги домой. Я стояла за стойкой, сонно млея в предвкушении горячей ванны и теплой постели, когда вдруг увидела лицо дедка, что как раз тянулся за ключом от номера для меня. Проследив его взгляд, попала прямоком в свой персональный ад, минуя такое трудоемкое действие, как несправедная жизнь и мучительная смерть. Впрочем, последнюю мне, вполне возможно, придется сегодня пережить.

На пороге гостиницы, распахнув двери настежь, стоял... мужчина. Это если мягко сказать... про оборотня. Совершенный убийца, абсолютно голый. Тело только-только закончило меняться, но взгляд все еще был звериным. И он смотрел на меня. Не успел войти, а у ступней уже натекла лужица воды — остатки от моментально сдавшегося горячему телу оборотня снега. Тот, чье имя нельзя здесь даже думать без разрешения! Я и пикнуть не успела, как он схватил меня за шкуру и потащил в сторону ближайшего номера, рыкнув дедку еще не совсем изменившимся голосом:

— Звони Киру!

И вот теперь он, зашвырнув меня в дальний угол, приказывал мне раздеться... Нет, уродиной я себя не считала, скорее, наоборот. Но оборотень вряд ли меня мог рассмотреть в коконе

пуховика с какого-нибудь пригорка и на что-то там позариться. Не рассматривают они... Собственно, поэтому я и чувствовала себя в безопасности весь отпуск здесь, в горах. Нарваться на оборотня у приезжей девчонки шансов ноль, а у меня так вообще — минус тысяча. И теперь происходящее казалось бредом редкого пошиба!

— Вообще-то у меня еще есть права здесь, или вы их уже аннулировали? — голос почти не дрогнул, но это все, что не дрожало у меня в складывающейся ситуации. Больше я ничем не владела.

— Здесь говорю я, — рыкнул зверь, подтверждая мои мысли. — Замолчи и делай, что сказал! Или хочешь, чтобы я сам?

Красивое лицо исказилось от презрительной усмешки. Мужчина очень красив, но холодной, режущей звериной красотой.

— Я бы предпочла, чтобы вы объяснили, что происходит! — выпалила с упрямством, которого испугалась сама. — Или я сейчас... впаду в неконтролируемую женскую истерику.

Пространство номера наполнилось нашим тяжелым дыханием. В свете, падавшем из коридора, я видела его лицо, освещенное с одной стороны противным желтым светом, от чего сияние его глаз казалось еще более холодным и пугающим.

— Ты облегчишь мне задачу и... свою участь, если сразу же скажешь, кто тебя подослал, — процедил он, явно начиная нервничать.

— Вы никак не способствуете моему успокоению, — я вжалась в стенку.

— Успокойся и снимай шмотки, — прозвучало тише обычного, но виски вдруг сдавило, а спину выгнуло дугой.

А это значило, что переговоры закончились, и он просто дал мне команду подчиняться без слов. Я знала — звери это умели. Трясущимися руками я начала медленно избавляться от одежды.

— Что вам нужно? — говорить все еще могла.

— Остатки клейма, — со свистом выдохнул он.

— Какого клейма?! — вскричала я и тут же оказалась прижатой к стенке.

Он порвал на мне толстовку на две части, будто та была бумажной.

— Кто тебя сделал моей парой?! — взревел он, а у меня все оборвалось и застыло внутри.

Я даже не пыталась трепыхаться — страх сковал не хуже льда. Льда, который плескался в его прозрачных серых глазах...

Мысль, откуда я знаю, что его глаза серые, поволокла за собой в какое-то спасительное небытие. Мне показалось, что я смотрю на него при свете дня... На его лицо садятся редкие снежинки, глаза цвета голубой стали пристально смотрят мне в душу, точеные жесткие черты лица пугают, но я все равно тянусь к нему всем существом...

— Мир... — выдохнула я в бреду и потянулась к нему дрожащими пальцами.

Меня снова потрянуло, и я сфокусировалась на дико горящих глазах оборотня. Холод уже не продирает до мозга костей, бросило в жар. Он вжимал меня, обнаженную, в стену. Тяжелое рычащее дыхание пугало, особенно в царящей полутьме. Его запах путал мысли и превращал мои вдохи в короткие всхлипы. От него пахло мокрым зверем, холодом, терпкой хвоей и свежей кровью. Я стояла на носочках, и клочья моей одежды щекотали стопы.

— Твое имя! — глухо рыкнул он.

— Аня...

Его руки дрогнули. Он шумно втянул воздух и ослабил хватку, скользнув горячими ладонями на талию... и вдруг резко развернул к себе спиной.

— Кто бы это с тобой ни сделал — вряд ли желал тебе добра, — глухо цедил оборотень, вжимаясь напряженным горячим телом в меня. — Мы с тобой оба сдохнем, если я не трахну тебя...

В шею ударился горячий выдох, его руки сжались на бедрах до боли, и это привело в чувства. Я вскинула правую ладонь к губам и принялась зубами сдирать кольцо... Редкое. Исполь-

зовать его можно раз в жизни в самый страшный момент. Был это он или нет — я не стала разбираться. Гладкий металл лег на язык, и я с силой до боли прижала его к нёбу.

Вовремя. В эту секунду зверь по-хозяйски раздвинул мне ноги и скользнул жесткими пальцами по чувствительной коже внутреннего бедра прямо к лону. Секунда — и он бесцеремонно запустил пальцы внутрь, прижав к своему напряженному члену.

— Ммм... — протестующе дернулась я, но его горячие губы скользнули по бьющейся на шее вене и следом слегка прикусили кожу, а член с силой толкнулся внутрь.

Никогда в жизни мне не приходилось одновременно испытать такое удовольствие, боль... и желание сдохнуть. А еще сожаление... об испорченном отпуске и потраченном редком артефакте.

Его руки успели только мягко огладить ягодицы, губы — скользнуть нежным поцелуем к уху, а сам он еще раз с силой войти в меня, как комната стала таять...

— Аня... — рыкнул он, больно впиваясь в мое исчезающее тело. — Нет!

И я провалилась в пустоту...

...В себя привел грохот в дверь и неясные угрозы за ней. Я открыла глаза и почувствовала резкий прилив дурноты. Поднявшись на трясущиеся ноги и ударяясь чуть ли не о каждый угол квартиры, я проковыляла к телефону.

В наших квартирах всегда проводили обычные телефоны — мобильные часто сбоили.

— Лера... — прохрипела я, когда на том конце пропали гудки.

— Ань? — скопировал меня сонный мужской голос. — Ты где?.. Который час?

— Лер, приедь, пожалуйста, я дома... Мне плохо...

Положив трубку, я скрутилась пополам. Внизу живота все резало и пульсировало так, будто зверь все еще был внутри. Стоило прикрыть глаза, меня обхватили его руки, рот наполнился слюной от густого запаха хвои... Я трянула мокрыми волосами и обвела мутным взглядом квартиру. Все было на ме-

сте, как и две недели назад, когда я уехала. Ничего не «повело» от выброса энергии при моем своеобразном возвращении. Грохот прекратился, но возня за дверью продолжалась.

— Надо ломать двери! — послышался вдруг сдавленный голос соседки. — Может, мертва уже!

«Если бы», — подумала я. Внутри все вскипело от злости:

— Оставьте меня в покое! — рыкнула так, что люстра из морских стеклышек зазвенела.

Волна ментального приказа чуть не выбила дверь и не разметала моих спасателей с той стороны. И на этаже разом все стихло.

— Черт...

Дело было дрянь. Все, на что меня хватило — доползти до ванной и крутануть кран горячей воды. Там меня и застал друг.

— Анька... — выдохнул он изумленно, ворвавшись в ванную. — Твою ж мать... Ты решила заживо свариться?!

Валера — мой старинный друг. В обычной жизни — симпатичный брюнет среднего роста с потрясающе красивыми большими глазами. Мы дружили с ним, как выяснилось, еще в прошлой жизни. И хотя спецам с кафедры прорицателей так и не удалось определить цель, с которой мы держимся друг друга, нас это ничуть не смущало.

Он вытащил меня и, закутав в халат, отволок в кухню. Свернувшись в большом кресле, я следила за Лерой, хлопотавшим на винтажной кухне в обрамлении моих глупых мыслей о том, как он прекрасно в нее вписывался. Взгляд лениво скользил по потертому бирюзовому гарнитуру, фарфоровым ручкам, которые я нашла в Индии, оттуда же привезла темно-синюю вазу. Парень поставил чайник и сунул нос в банки со сборами, временами морщась...

— С оранжевой крышкой, — подсказала я, удостоившись тревожного взгляда. — Буду жить, Лер.

— Смотрю, хорошо отдохнула, — покачал головой он, то и дело зыркая на меня напряженным взглядом.

— Все случилось сегодня вечером, — сжалась я в комок. — До этого все было прекрасно.

— Что случилось? — Лера поставил передо мной чашку горячего чая, и я тут же вцепилась в нее, как утопающий в спасательный круг. — Ань, от тебя... очень сильно пахнет... — Я серьезно посмотрела другу в глаза, вынырнув из чашки. — ... жесть как.

— На меня напал зверь, — выдавила я, вдруг пожалев, что позвала его.

Как мне сказать другу, что меня... изнасиловали? Правда? Я совершенно точно помню, как сама выгибалась, подставляя попку под последнее движение мужчины...

При воспоминании об этом в животе снова все скрутилось и запекло.

— Кто? — вывел из ступора друг.

— Кто-то из высших. Думала, убьет.

— Зачем?

— Не знаю, он был в бешенстве, влетел в гостиницу вслед за мной... голый.

— Голый? — брови Леры поползли вверх. — Погоди... если голый, значит, только обернулся.

— Понятное дело! — вскричала я, брякнув чашкой об стол.

— Ань, — Лера встал и присел на корточки рядом, — расскажи, пожалуйста. Понимаю, что тяжело, но я так ничего не пойму.

— Он сначала попросил меня раздеться, собирался искать какое-то клеймо, — начала выдавливать из себя я, держась за его проникновенный взгляд. Что-то, а сексуальные похождения мы с Лерой не обсуждаем. — Потом прижал меня к стенке, начал сдирать одежду сам, а я глянула в его глаза, и меня накрыло...

Я вдруг явственно вспомнила свое видение: мужчина... солнечный свет, ослепительный снег кружится в воздухе искрами и садится на его лицо, оборачиваясь мелкой росой. Мир...

— ...Я назвала его Мир...

По коже прошла волна мурашек, руки задрожали. В области солнечного сплетения что-то стукнуло и скрутилось тугим жгутом, вмиг согревая.

— Начинаешь пахнуть сильнее, — не мигая, констатировал друг. — Ань, плохие новости: он тебя присвоил... Что еще говорил?

Я тяжело слотнула, пытаюсь взять себя в руки.

— Что мы сдохнем оба, если... он не...

— Понятно, не продолжай, — кивнул он. — Херово... а еще, знаешь, что?

Лера достал айфон, что-то принялся там искать, и уже через несколько секунд сунул мне под нос фото... моего зверя. Только в человеческом облики. То есть, в костюме.

— Он? — Я кивнула. — Мда...

Лера вернулся на стул и хмуро уставился перед собой.

— Лерк, говори, — потребовала я.

— Это Мирослав Карельский, Ань... Высший правящий.

— И что? — тупила я.

— Тебя от него не спрячет даже Вальдемарыч.

— Спрячет? Ты думаешь, этот Мирослав будет меня искать? — Лера посмотрел на меня как на умалишенную. — Не смотри так на меня, из нас двоих оборотень — ты! — вскричала я, но тут же виновато сникла.

Лера не был оборотнем в полном смысле этого слова — у него нет зверя. Мы никогда не обсуждали подробности и причины такого положения дел, но проблем у друга по этому поводу я не наблюдала. Оборотни не рождались полноценными существами с возможностью оборачиваться. Когда их мужчины достигали зрелости, они отправлялись на поиски своего зверя. Если удавалось его обуздать — человек и зверь сливались, и мужчина становился полноправным членом семьи. Звери были разные, в зависимости от местности, где жила семья или которой она правила.

— Если Карельский вышел на тебя голым, Ань, это значит, что он был в звере, когда тебя услышал. Вышибить мужчину из зверя... — Лера хмыкнул. — Это очень надо было постараться. Но я его понимаю: если в его возрасте у него до сих пор нет пары, то понятно, почему он за тобой кинулся...

— Твою мать... — выдохнула я. — Но подожди... Он говорил, что искал метку... требовал рассказать, кто меня сделал его парой...

— Сделал?! Он идиот?! — воскликнул в праведном гневе друг. — Пары не... делаются!

— Ну, может, у него есть основания считать по-другому? Он вряд ли идиот, Лер.

Мы помолчали немного, чувствуя, как на плечи обоих опускается вязкая безысходность.

— Я кофе сделаю...

— Ты все же думаешь, он кинется меня искать?

— Это будет несложно, Ань... Ты ему все вещи оставила...

Тут и до меня дошло. Рюкзак с камешками, вещами, сборами трав, книги... Твою ж мать!

— ...Да и учитывая, как именно ты улизнала — недолго догадаться, где тебя теперь искать.

Это да. Только веды могут пользоваться такими артефактами. Обратиться к главе ведов в Питере ничего не стоит, а связи позволят узнать, кто именно был на каникулах в Карелии.

— Но наши с оборотнями не дружат, — в груди снова стало леденеть. — Неужели сунутся?

— Аня, — Лера шелестел чем-то в шкафчике, не глядя на меня, — хорошо, что ты не подозреваешь, что испытал он, когда ты его бросила в самый важный момент его жизни. Поверь мне, он так себя никогда еще не чувствовал. Твой отходняк от артефакта — просто уютное чаепитие в «Зефирке и кролике» по сравнению с тем, что ощутил он...

Да так ему и надо!

— ...Я бы собрал сейчас твои шмотки и бросился в пожизненное бегство, — продолжал друг, — но это бесполезно. Карельский придет за тобой, и, я уверен, договорится. Да он мир теперь на уши перевернет, пока не найдет тебя!

— Слушай, мне двадцать семь, на кой ему такая...

Друг бросил на меня раздраженный взгляд и закатил неодобрительно глаза. Ну да, надеяться на то, что я ему не подойду внешне, вряд ли стоило. Я не высокая, но и фигурой и лицом